

УДК 398.3+811.511.21+811.512.14+811.512.21

А. Е. Аникин

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: alexandr_anikin@mail.ru

ИЗ РАБОТЫ ЛЕКСИКОЛОГА

Изучение лексических (языковых) данных нередко имплицитно выводит, связанные с этнографической, археологической и этногенетической проблематикой. Рассматриваются три примера этого рода: 1) названия игры (пари) «в память» в языках Сибири и русских говорах; 2) лексические аспекты интерпретации изображения рыбы, вытатуированного на ноге вождя из Второго пазырыкского кургана; 3) названия Большой Медведицы в языках Сибири и петроглифы Приамурья.

Ключевые слова: лексикология, контакты языков, этнография, археология.

В год 50-летия гуманитарного факультета НГУ кажется уместным обратиться в прошлое и поделиться опытом своих, теперь уже многолетних, занятий лексикой, преимущественно русской, но и не только. Ниже приводятся примеры из числа тех, когда рассмотрение лексических, языковых данных сопряжено с ввелингвистическими импликациями.

1. Занимаясь русскими заимствованиями в языках Сибири [Аникин, 2003], я столкнулся с якут. (Вильюй) *māmytjdaḥū* ‘игра в память’ [ДСЯС, 1995. С. 118], где *māmytj-* (+ *-tas-* + *-j̄*) из **rāmītij-* < рус. диал. *пáмятуйся*, императив от *пáмятоваться*, не засвидетельствованного в соответствующем значении в Сибири, но известного в вятских говорах: *пáмятоваться* ‘держат пари, закрепляя договор разламыванием куриной грудной косточки или съедая пополам орех’ (ср. *памятоваться о поллитре*), ‘ломать дужку птицы вдвоем, или съесть пополам двойчатку ореха, в роде заклада, кто на другой день первый об этом вспомнит или кому достанется счастливая (большая) половина’ [СРНГ. Вып. 25. С. 188; Даль. Т. 3. С. 15]. Вятская земля была местом исхода в Сибирь для многих ее будущих русских насельников. Превращение русского императива в якутский субстантив обычно [Слепцов, 1964]. Указание на дужку (ключицу) птицы как предмет, на котором заключается пари,

дополняется вятским диалектизмом *пáмять* ‘грудная кость курицы, петуха’ [СРНГ. Вып. 25. С. 188].

Приведенный материал позволяет легко понять такие русизмы, как якут. (Олекма, Сунтар) *māmūt* ‘игра в память’, долган. *pāmīt, pāmīt*, якут. (Оленек) *māmūt* ‘ключица птицы’ [ДСЯЯ, 1968. С. 196; ДСЯС, 1995. С. 118], о которых писала А. В. Дыбо [1996. С. 142–143], обратившая внимание также на тат. *yādi sǝge* ‘дужка, ключица’, башк. (из тат.) *sǝtǝi* ‘дужка, ключица у птиц’, ‘игра в дужку’, тур. *yades, lades* ‘пари’ < перс. *yādāst* ‘я вспомнил’, ‘игра в ломание дужки’ [Там же]. Игра «в память», пари, заключаемое через разламывание дужки, пришла к русским, видимо, от тюрков, а к ним от персов. Подобный маршрут диффузии культурных реалий и связанных с ними терминов (из иранского в тюркский и далее в русский, славянские языки) не редкость [Эдельман, 2002].

Существенным дополнением к русско-якутско-долганским фактам являются селькуп. (Кеть) *pāmmāt* ‘ключица’ и кет. *pāmāt* [Alat., 2004. 63, № 402], на что тоже обращалось внимание [Аникин, 2003. С. 432–433; 2012]. Конечное *-t* селькупского слова дает основания предположить посредство эвен. **nāmet*. Во всяком случае, география указанных названий очень напоминает основной маршрут проникновения русских

(с начала XVII в.) на Енисей и Лену через Маковский острог на р. Кеть [Аникин, Хелимский, 2007. С. 27]. В Восточной Сибири один ареал указанных русизмов оказывается на севере (Оленек, Таймыр), другой ближе к югу (Вилуй, Олекма). Но подытожить сказанное уместно указанием на то, что, судя по языковым фактам, русские первопроходцы и / или ранние поселенцы Восточной Сибири «памятовались» и передали игру «в память» некоторым коренным народам Сибири. Из этнографической литературы мне такие сведения не известны, как будто не отразились они и в источниках по русско-сибирской лексике.

2. Лет 6 назад мне довелось не раз говорить с археологом Д. В. Черемисиным – попутчиком по езде на электричке из города в Академгородок на работу (до 2000 г. вместе с М. Д. Симоновым) – о лингвистических аспектах интерпретации изображения рыбы, вытатуированного на правой ноге скифского вождя из Второго пазырыкского кургана (в числе шести, открытых в 1947 г. С. И. Руденко). В своей богатой материалом и идеями книге об искусстве звериного стиля на материале пазырыкской культуры Д. В. Черемисин обратился и к упомянутым аспектам. Речь идет главным образом о прослеживающейся в разных языках этимологической связи между названиями икроножной мышцы и рыбьей икры, как, например, в случае с рус. *икра́* (рыбы и ноги) или голл. *kuit*, о чем говорится в словаре М. Фасмера [Т. 2. С. 125], на который ссылается Черемисин [2008. С. 43]. К сожалению, я упустил возможность предоставить в его распоряжение важную работу финно-угроведа О. Садовского [Sadovszky, 1975], на которую в свое время обратил мое внимание Е. А. Хелимский. Здесь хотелось бы исправить это упущение, изложив вкратце соображения Садовского с некоторыми оговорками.

Опираясь на открытия С. И. Руденко, он дал типологию евразийских примеров типа рус. *икра*, исходя, в общем, из того же вполне рационального допущения, что и Д. В. Черемисин, а именно: изображение рыбы на ноге вождя отражает фрагмент картины мира древних обитателей Центральной Азии. В мифопоэтических представлениях о мире нога ассоциируется с опорой универсума, а у некоторых центральноазиатских этносов в качестве такой опоры выступает рыба. Икра

рыбы может связываться также с представлением о плодородии (ср.: [Соколов, 1992. С. 392–393; Черемисин, 2008. С. 43–44]). Согласно О. Садовскому (а ранее Я. Калиме), и у финно-угров, и у индоевропейцев, к которым принадлежали скифы, прослеживается представление о человеческой ноге ниже колена как подобии рыбы: берцовая кость уподобляется рыбьему хребту, а прилегающая к ней плоть, задняя часть голени – рыбьему брюшку с икрой. Так, лат. *piscis* ‘рыба’ дало ит. *pesce* ‘то же’, но в некоторых романских диалектах стало обозначением икры ноги, ср. логудор. *piske de sa gamba* [ML, 1968. S. 542]. Итальянское *pesce* в значении (устар.) ‘локтевая мышца’ показывает, что рыбе может уподобляться (но гораздо реже) и другая часть тела. Сходно рус. диал. *икра́* ‘мышца руки’ (юг Урала); а в украинском *ікра* – ‘икра рыбы’, диал. также ‘вымя коровы’, сходно в говоре польских горных пастухов: *ikra* ‘вымя овцы, козы’ [ЭССЯ. Вып. 8. С. 217].

Еще примеры из работы О. Садовского (вместо ‘икра ноги’, ‘икра рыбы’ дается ‘и. н.’, ‘и. р.’): эст. *sääre-mari* ‘и. н.’ (*säär* ‘нога’, *mari, marja* ‘ягода’) и *kala-mari* ‘и. р.’ (*kala* ‘рыба’) – букв. ‘ного-ягоды’, ‘рыбо-ягоды’, олон. *mähändüs* ‘и. н.’, *mähändü* ‘и. р.’, коми-зырян. *kok-pök* ‘и. н.’ (*kok* ‘нога’, *pök* ‘и. р.’), аналогичные примеры в водском, людиковском, северо-карельском, финском, хантыйском, кольско-саамском. В венгерском использовано славянское заимствование: *lábikra* ‘и. н.’ (*láb* ‘ноги’), *halikra* ‘и. р.’ (*hal* ‘рыба’).

Рус. *икра́* восходит к праслав. **jьkra* ‘икра (рыбы, ноги)’. Слово является общеславянским (особенно в значении ‘и. р.’), ср. помимо указанных примеров белорус. *ікра́* ‘и. н.’, ‘и. р.’. Праславянское **jьkra* близкородственно балтийским словам в форме pluralis: лит. *ikrai* ‘и. р.’, ‘и. н.’, лтш. *ikri* ‘то же’, прус. *uccroy* ‘и. н.’ [Топоров, 1980. Т. 3. С. 36]. Невозможно согласиться, что эти слова славизмы (ср.: [ЭССЯ. Вып. 8. С. 219]).

Многочисленные примеры этимологического родства обозначений икры как части ноги (тела) и рыбьей икры основаны на общем для них семантическом элементе – ‘вспухшее, набухшее (ком, глыба)’, что объясняет и принадлежность к праслав. **jьkra* таких слов, как др.-рус. *икра* ‘льдина’, ст.-рус. *кра* ‘то же’ и пр. [Там же], в связи

с чем О. Садовский обращает внимание на факты типа англ. *calf* ‘и. н.’, ‘льдина’ [Sadovszky, 1975. С. 152].

Правдоподобно предположение (в цитированной работе О. Садовского и некоторых других авторов) о том, что индоевропейское название рыбы типа лат. *piscis*, англ. *fish* и т. п. представлено и в санскр. *picchā* ‘и. н.’, что существенно ввиду отсутствия других аналогий указанного названия рыбы в индоиранских языках.

Материал этого рода не имеет решающего значения для реконструкции семантики изображения рыбы на ноге вождя из пазырыкского захоронения, но должен учитываться при попытках такой реконструкции, как это и было сделано в работах О. Садовского и Д. В. Черемисина.

3. Эвенкийское *һэглэн*, *һэглун* ‘созвездие Большая Медведица’ и аналогичные названия этого созвездия (негидал. *хэвлэн* и др.), содержащиеся в статье Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков [ТМС, 1977. Т. 2. С. 360] *һэглэн*, послужили основанием для реконструкции тунг.-маньчжур. **pegulen* ‘то же’, сравниваемого с тюрк. *ülkär* ‘Плеяды’ [СИГТЯ, 2006. С. 346], что не убеждает. Названия Большой Медведицы (Б. М.), одного из самых заметных созвездий Северного полушария, исторически являются, как правило, метафорами от названий «земных» объектов, например повозки, ковша, как в случае с рус. *Воз*, *Ковш(ук)*. Образ созвездия-повозки не раз отразился в литературе, например у Мандельштама («Я по лесенке приставной...»):

*Распряженный огромный воз
Поперек Вселенной торчит <...>*

Гораздо более правдоподобно, что астрономы типа эвен. *һэглэн*, *һэглун* тождественны южным тунгусо-маньчжурским обозначениями амбара типа ороч. *пэулэ*, как это нетрудно заметить по материалам упомянутой статьи ТМС. Орочи представляли себе Б. М. в виде небесного амбара. Сходно улч. *пэулэ(н-)* ‘вешала для юколы’, ‘Б. М.’ и др. [ТМС 2. С. 360].

В Сибири (Евразии) имеется и много других названий по принципу ‘Б. М.’ = ‘(небесный) амбар, лабаз’, например, якут. *араһ(у)ас сulus* ‘Б. М.’, букв. ‘лабаз-звезда’ (*араһ(у)ас* ‘лабаз’ – монголизм, см. далее о монг. **(h)aran-ga*), в лесном юкагир. *орпан-*

дьаа ‘Б. М.’ = ‘вешала (для рыбы, мяса)’ и др. [Аникин, 1991. С. 38]. Тот же принцип номинации, что и в последнем случае, возможно, лежит в основе юкагир. (тундра) *хуораал* ‘Б. М.’, которое, кстати, материально сходно с приводимым далее самодийским и алтайским материалом. Финское *Otava* ‘Б. М.’ родственно хант. *wač*, (южн.) *woš* ‘огороженное место для припасов’ [Collinder, 1955. Р. 44–45].

Самодийское **pārä* (вместо **pārз* у Ю. Янхунена, см.: [Аникин, Хелимский, 2007. С. 11–13, 78]) ‘лабаз (на четырех сваях) для хранения припасов’, скорее всего, уже в прасамодийском имело и значение ‘Б. М.’: селькуп. (А. Кастрен) *pēärē* ‘род нар для хранения припасов’, ‘Б. М.’ при ненецк. *паре*’ ‘лабаз’ и пр. Из селькупского, видимо, рус. (на Средней Оби) *пёры*, *пёры* ‘название созвездия’ [Аникин, 2000. С. 445]. Допустимо сопоставление самодийск. **pārä* и монг. **(h)aran-ga* (откуда бурят. *аранга* ‘помост’ и др.), а также предполагаемого праалтайского источника последнего – **p’ara* ‘балка’ [Аникин, Хелимский, 2007. С. 78; EDAL, 2003. Р. 1123]. Эвенкийское *нүрү* ‘лабаз, помост на сваях’, записанное еще в XVIII в. Г. Ф. Миллером в виде *puri* [Müller, 2003. S. 43, 240], по всей видимости, заимствование древнеэвенкийской эпохи из самодийск. **pārä* [Аникин, Хелимский, 2007. С. 78].

Не менее правдоподобна, однако, и другая возможность объяснения эвен. *һэглэн*, *һэглун*, а именно, сравнение с названиями лося типа эвен. *һэглэн*, что влечет толкование ‘Б. М.’ = ‘(небесный) лось’, мотивируемое тунгусскими мифами об охоте за космическим лосем.

Эти мифы – варианты сибирских мифов о космической охоте (на лося, медведя), обнаруживающих многочисленные параллели в североамериканских индейских традициях, в которых объектом космической охоты является, как правило, медведь. Им соответствуют, в частности, южно-тунгусо-маньчжурские мифы об охотниках и небесном амбаре, в который забрался огромный медведь. Показательно ороч. *уггули насан’и* (*уггули тэлэун’и*) ‘Б. М. (?)’, букв. ‘шкура хозяина медведей, убитого Хадау, творцом Вселенной’ [ТМС, 1977. Т. 2. С. 251]. Эвенкийское *һэглэн* может выступать и как имя космического охотника, называемого также *Манү*, ср. ороч. *манæ*, *ману* ‘богатырь-охотник (гнавший по небу лосиху с лосен-

ком) [ТМС, 1975. Т. 1. С. 530; Аникин, 1991. С. 40]. В мифах тунгусо-маньчжуров Млечный Путь – след того же охотника (или медведя).

Обозначения Б. М. как объекта небесной охоты широко известны и у других народов Сибири. Это видно из многих примеров: селькуп. *päqqj* ‘Б. М.’ и ‘лось’, аналогично кет. *kaj*, далее ср. эск. *туутут* ‘Б. М.’, букв. ‘олени’, ср. *тууту* ‘дикий олень’, и пр. [Аникин, 1991. С. 39; Erdödi, 1970].

В ТМС названия лося (эвен. *һэглэн* и др.) и амбара, лабаза (ороч. *пэулэ* и др.) отождествляются, что фонетически правомерно. Семантическое развитие от ‘амбар, лабаз’ к ‘лось’ могло осуществиться в языке древних охотников, избегавших прямых наименований промышляемого зверя. Длинные ноги и туловище лося похожи на четыре сваи-опоры и надстройку лабаза. Е. А. Хелимский обратил в этой связи внимание на хантыйские загадки, содержащие загадывание лося через лабаз, по модели ‘лесной лабаз’ (что это?) = ‘лось’. С достаточным на то основанием он реконструировал и аналогичные эвенкийские загадки [2000. С. 118–121].

По всей видимости, указанные факты из сферы лексики, фольклора и мифологии уводят в весьма глубокую древность. Уже отмечалось [Аникин 1991], что представление о Б. М. в виде (небесного) лося в контексте мифов о (небесной) охоте, с одной стороны, и представление об этом созвездии как (небесном) амбаре, лабазе – с другой, могут быть поставлены в связь с отразившимся в древних петроглифах противопоставлением древних эстетических концепций мира: динамическо-реалистической (изображения охоты) у палеолитических и неолитических охотников Сибири и статично-схематической у неолитических рыболовов Амура [Окладников, 1967].

Два основных обозначения Б. М., скорее всего, уже существовали в эпоху пребывания тунгусо-маньчжуров на их прародине, локализация которой проблематична. Имеет серьезные основания локализация в Среднем Приамурье, лингвистически аргументированная А. М. Певновым [2008]. Он привлекает и аргументы, полученные в ходе археологического изучения Приамурья в работах А. П. Деревянко и других ученых. Их работы стали весомой альтернативой байкальской концепции лингво- и этногенеза тунгусо-маньчжуров в трудах А. П. Ок-

ладникова и Г. М. Василевич (использована в качестве археологической опоры в [Аникин, Хелимский 2007]). Не имея возможности углубляться здесь в эту проблематику, можно сказать следующее.

Е. А. Хелимский отнюдь не исключал приамурскую прародину. Проблема в том, как в этом случае объяснить лексические сходжения между прасамодийцами (ПС) и пратунгусо-маньчжурами (ПТМ) вроде ПС **jäntäsö* ‘Енисей’ < *ПТМ **jendesī* ‘большая река; Енисей’, ПС **jam* ‘море’ < ПТМ **lāmu* ‘то же’ или эвенк. *nūrū* (см. выше) < ПС **pārā* и т. п. [Аникин, Хелимский, 2007; Аникин, 2010. С. 29]. Упомянутое финск. *Otava* ‘Б. М.’ восходит к праурал. **wāčā* ‘изгородь’, сев.-самод. **wātā* > эвен. *wōta* и др. ‘ограда’ [Аникин, Хелимский, 2007. С. 74]. Правда, А. М. Певнов, по крайней мере в 2006 г., исключал древние контакты между самодийцами и тунгусо-маньчжурами (в то же время принимая поздние, например селькупско-эвенкийскую лексическую интерференцию), но это мнение спорно.

Роль лингвистических данных в решении комплекса этногенетических проблем общеизвестна, во всяком случае тогда, когда этих данных достаточно.

Список литературы

Аникин А. Е. Из сибирской космонимии // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика: Тез. докл. конф. к 60-летию В. А. Дыбо / Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1991. С. 37–41.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003.

Аникин А. Е. «Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи»: *postscriptum* // *Finnisch-ugrische Mitteilungen (Gedenkschrift E. Helinski)*. Hamburg, 2010, № 32/33. S. 25–34.

Аникин А. Е. Лексические иллюстрации к русской колонизации Сибири // *Mémoires de la Société finno-ougrienne (Festschrift J. Janhunen)*. Helsinki, 2012. № 264. С. 5–12.

Аникин А. Е., Хелимский Е. А. Самодейско-тунгусо-маньчжурские лексические связи. М.: Языки славянской культуры, 2007.

Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Языки русской культуры, 1996.

Окладников А. П. Лики древнего Амура: Петроглифы Сикачи-Аляна. Новосибирск: Наука, 1967.

Певнов А. М. Лингвистические пути решения тунгусо-маньчжурской проблемы // Вопр. языкознания. 2008. № 5. С. 63–83.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. М.: Наука, 2006.

Слепцов П. А. Русские лексические заимствования в якутском языке. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1964.

Соколов М. Н. Рыба // Мифы народов мира: Энциклопедия. 2-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2.

Хелимский Е. А. Компаративистика, урало-листика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000.

Черемисин Д. В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008.

Эдельман Д. И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. М.: Вост. лит., 2002.

Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1955.

Erdődi J. Uráli czillagnevek és mitológiai magyarázatuk. Budapest: Akadémia kiadó, 1970.

Müller G. F. Nachrichten über Völker Sibiriens (1736–1742) / Hrsg. E. Helimski, H. Katz. Hamburg: Institut für Finno-Ugristik / Uralistik der Universität Hamburg, 2003.

Sadovszky O. J. The Concepts of the 'calf of the leg' and 'fish eggs' and the Tattooed Man of

Pazyryk 2 // Congressus tertius internationalis fenno-ugristarum. Pars I: Acta linguistica. Tallinn, 1975. 149–154.

Список словарей

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882. Т. 1–4. (М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955).

ДСЯЯ – Афанасьев П. С., Воронкин М. С., Алексеев М. П. Диалектологический словарь якутского языка. М.: Наука, 1968.

ДСЯС – Воронкин М. С., Алексеев М. П., Васильев Ю. И. Диалектологический словарь языка саха. Дополнительный том. Новосибирск: Наука, 1995.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука, 1966–2006. Вып. 1–40.

ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. Т. 1; 1977. Т. 2.

Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. М.: Наука, 1980. Т. 3 (I–K).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1974–2012. Вып. 1–38.

Alat. – Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und J. Alatalo. Zusammengestellt und hrsg. von J. Alatalo. Helsinki, Société finno-ougrienne, 2004.

EDAL – Starostin S., Dybo A., Mudrak O., with the assistance of I. Gruntov, V. Glumov. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003.

ML – Meyer-Lübke W. Romanisches Etymologisches Wörterbuch. 4 Aufl. Heidelberg: Winter, 1968.

Материал поступил в редколлегию 31.10.2012

A. E. Anikin

LEXICOLOGICAL MISCELLANY

The article addresses three examples where the analysis of lexical data implicates conclusions related to ethnographic, archaeological, and ethnogenetic issues: (1) names of a game (bet) «In Memory» in languages of Siberia and Russian dialects; (2) lexical aspects of interpreting the image of a fish tattooed on the leg of a tribal chief buried at Pazyryk mound 2; (3) names of Ursa Major in languages of Siberia and the petroglyphs of Amur.

Keywords: lexicology, language contact, ethnography, archeology.